

УДК: 13.123

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ И ПРОБЛЕМА КОММУНИЗМА

Шатунова Татьяна Михайловна
доктор философских наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: shatunovat@mail.ru
г. Казань

Аннотация

В статье представлена версия критического подхода к социально-философской проблематике в творчестве выдающегося философа Александра Александровича Зиновьева. Автор анализирует позицию Зиновьева по вопросу о сущности и перспективах коммунизма. Коммунизм исследуется как философская проблема. В статье делается вывод о безусловной эвристичности идей А.А. Зиновьева в плане постановки целого комплекса вопросов о будущем человечества, которые сегодня требуют новых ответов.

Ключевые слова: коммунизм, капитализм, философская проблема, А.А. Зиновьев, критика, коммунальность, коммунитаризм, человеческая природа.

ALEXANDER ZINOVIEV AND THE PROBLEM OF COMMUNISM

Shatunova T.M.,
Ph.D., Full Professor
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan

Abstract

The article presents a version of the critical approach to the socio-philosophical problems in the work of the outstanding philosopher Alexander Alexandrovich Zinoviev. The author analyses Zinoviev's position on the essence and prospects of communism. Communism is explored as a philosophical problem. The article concludes that Zinoviev's ideas are very heuristic and that they raise a whole range of questions about the future of humanity which require new answers today.

Keywords: communism, capitalism, philosophical problem, A.A. Zinoviev, critique, communality, communitarianism, human nature.

Александр Александрович Зиновьев был провокационной личностью. Противник всего: советского реального социализма, который считал единственно возможной версией коммунизма; капитализма, который называл «западнизмом», кажется, от слова «западня». Будучи ярким и глубоким критиком всякой социальной мерзости: бюрократии, лжи, лицемерия, он во всех созданных им текстах как бы специально подставлял свой материал и, соответственно, себя самого под критику со всех сторон. И подвергался этой критике практически всю жизнь.

Но что происходит сейчас? Все Зиновьева любят. Цитируют взапуски. Делятся воспоминаниями, как он был прекрасен во всех отношениях. Он попал в ситуацию главного героя фильма Марка Захарова «Тот самый Мюнхгаузен». Теперь все готовы пригласить его присоединиться.

Полагаю противоположное: сегодня творчество Зиновьева должно остаться материалом для критики. Его творчество продолжает приносить огромную пользу философии России, но не столько потому, что можно воспользоваться его идеями, сколько потому, что его вызовы взывают к новым ответам. С ним просто необходимо спорить. Думаю, ему самому не понравилось бы сплошное присоединение. Он был и должен остаться Оводом, человеком, который будит мысль и беспокоит совесть.

Как для философа, одной из важнейших проблем, по поводу которой с ним надо спорить, была и сейчас, на мой взгляд, остается проблема коммунизма, точнее, коммунизм как *философская проблема*. Почему так? Для Зиновьева коммунизм, действительно, не только политическая доктрина или некоторая жизненная практика, но и *философская проблема*, как и для Маркса, которого Александр Александрович глубоко изучал и серьезно воспринимал. А как философская проблема, коммунизм подвергается критике, поэтому и автор, который об этом пишет, под оком критики.

Выскажу свою позицию, которую, естественно, сегодня разделяют немногие: коммунизм продолжает оставаться проблемой нашего будущего, будущего человечества. У человечества есть будущее ровно постольку, поскольку есть возможность чего-то, что будет после капитализма, не будет капитализмом и хотя бы по каким-то социальным параметрам будет выше и лучше для человека, чем капитализм, даже самый пост-пост-пост.

Капитализм развивается, изобретает все новые формы эксплуатации, новые способы добычи прибыли. Тому есть масса подтверждений: платформенный капитализм, огромные транснациональные корпорации типа образовательных платформ, «гениальное изобретение» постсоциалистического капитализма – аутсорсинг.

Коммунизм сегодня – потерпел поражение. Тогда как быть с будущим?

Посмотрим, что получится по Зиновьеву.

Сущность теории А.А. Зиновьева по вопросу о природе коммунизма состоит в том, что коммунизм, равно как и капитализм (западнизм), был всегда. По этой логике было бы последовательным считать, что и феодализм, и рабство – тоже были всегда. Всё было всегда!

Из современности с этим легко согласиться, потому что сейчас, в настоящий момент истории, действительно, сосуществуют все выработанные человечеством социальные порядки или социально-экономические строи. Поэтому говорят о конце истории или о параде культурно-исторических форм. Однако по Зиновьеву получается, что у нее, у истории и начала-то никогда не было: всегда было всё. Неистория. Или история пришла к своему концу, так и не начавшись. Всё же представить себе, что все социальные порядки существовали всегда, как-то трудно: не было тех производительных сил, при которых были бы возможны все эти строи в прошлом. Как же был возможен коммунизм?

Коммунизм как «вечное» состояние общества для А.А. Зиновьева – коммунальность: чувство единения, коллективизма, превалирование совместных форм деятельности. Действительно, есть такие периоды в истории, когда нечто подобное выходит на первый план. Например, в программной статье П.Ю. Уварова и А.Ю. Согомонова «Парадоксы вывихнутого времени или рождение социального» читаем про позднее Средневековье: «Создается впечатление, что сила множественных солидарностей вовсе не была в равной мере присущей всему средневековью. В последний его период общностей и корпораций было несравненно больше, и они были куда сильнее, чем в период высокого средневековья. Пресловутый индивидуализм Ренессанса, да и “осени средневековья” вовсе не мешал укреплению духа коммунитаризма, скорее даже – «гиперкоммунитарности». Ужесточение требований к солидаристическому единению было ответом на стремительное усложнение жизни» [1, с. 150].

Как видим, «коммунитарность» иногда действительно превалирует в истории, но далеко не всегда. Статья Уварова и Согомонова –

яркий пример конкретности, историчности анализа содержания этой коммунитарности. Кстати, авторы названной статьи используют именно этот, на мой взгляд, более удачный термин – коммунитарность. Зиновьев же о коммунальности пишет а-исторически, как о чем-то, существующем всегда. Тогда ее логично искать в самой человеческой природе, и это легко сделать, вспомнив, что человек появляется в мире как существо совместно действующее, специфика человеческого труда включает два аспекта, слоя, уровня: отношения человека к природе (вещей) и отношения между людьми. Совместность, *кооперация* человеческого труда – вот простой источник зиновьевской «коммунальности», это необходимая сторона общественного характера человеческой деятельности, сторона *природы человека*.

Как относится Зиновьев к человеческой природе? *Он предлагает с ней бороться*. Отделаться совсем от нее нельзя, но можно и нужно ей что-то противопоставить, а для этого сначала – обнаружить ее основные изъяны. По этому поводу читаем: «Хотя элементы будущего коммунизма встречаются и в некоммунистических обществах (я имею в виду отношения начальствования и подчинения, соподчинения, иерархию социальных групп и должностей, власть коллектива над индивидом и т.п.), понять их подлинную социальную природу можно только рассматривая их уже как элементы общества коммунистического типа» [2]. Возникает ряд вопросов: отношения начальствования и подчинения, соподчинение, иерархия социальных групп и должностей – а бывают ли тогда в социуме вообще какие-то другие, некоммунистические отношения? Кажется, тогда некоммунистических отношений в обществе, по крайней мере, цивилизованном, никогда не было.

Зиновьев пишет: «Коммунистические социальные отношения в той или иной мере и форме существовали и существуют в самых различных обществах с достаточно большим числом людей, вынужденных жить совместно, и со сложной системой хозяйства и управления. Они существуют и в странах Запада. Они существовали и в предреволюционной России. Но лишь в определенных условиях они могут стать господствующими и овладеть всем обществом. И тогда возникает специфически коммунистический тип общества. Главное из упомянутых условий – обобществление средств производства в масштабах всей страны, ликвидация классов частных владельцев и предпринимателей, централизованное управление всеми аспектами жизни страны, причем – с сохранением сложной системы хозяйства

и культуры» [2]. Это описание вполне подходит к советскому строю, но стоит обратиться, например, к опыту Югославии, как обнаруживается отнюдь не всеобщий характер описанных признаков.

В то же время ценность размышлений Зиновьева состоит в том, что он обращает наше внимание на противоречивость самой человеческой природы: совместность, кооперированность человеческой деятельности, как и все на свете, имеет свою теневую сторону: это может быть коллективная безответственность, круговая порука, наконец, иногда просто стадность, причем вполне стихийная. Используя методологию М.А. Лифшица [3], обнаруживаем две «редакции», две стороны одной медали человеческой общественной природы: есть совместность, кооперированный характер человеческого труда со всеми его преимуществами (см. «Капитал» Маркса), а есть эта самая стадность, коммунитаризм. А.А. Зиновьев двух редакций не видит. Видит только коммунальность, а она от коммунизма очень далека. Коммунальность это феномен практически любого эксплуататорского общества: дело в том, что коммунального человека гораздо продуктивнее эксплуатировать: эксплуатируется в этом случае не только индивид, а еще и община. Массовая производительная сила, которая при этом все равно возникает, бесплатно принадлежит эксплуататору, кем бы он ни был – рабовладельцем, феодалом, капиталистом – и «стадо» этого совершенно не замечает. Надо ли говорить, что от какого-либо коммунизма эта ситуация крайне далека.

Нельзя не сказать, что истории известны и другие формы совместности. Например, Ницше воспекает дионисийское начало в культуре, в человеке, в том числе по той причине, что оно борется с *principium individuationis* и «снимает» его [4, с. 138-140]. Гениальное открытие Ницше как раз в том и состоит, что любой культуре, начиная с греческой, для ее полноценного развития необходимы оба начала: аполлоновское и дионисийское. Индивидуалист Ницше с его волей к власти неожиданно оказывается на стороне дионисийцев, а они-то уж совсем не индивидуалисты.

Итак, Зиновьев предлагает бороться с совместностью, общественным характером человеческой природы и преодолевать ее. Для теоретического решения этой задачи он привлекает проблему цивилизации. Ставит и решает ее следующим образом: «Коммунизм не есть нечто выдуманное злоумышленниками вопреки некоему здравому смыслу и некоей природе человека, как полагают некоторые противники коммунизма, а как раз наоборот – он есть естественное явление

в истории человечества, вполне отвечающее природе человека и вытекающее из этой природы. Он вырастает из стремления двуногой твари, именуемой человеком, выжить в среде из большего числа аналогичных тварей, лучше устроиться в ней, обезопасить себя и т.п., – вырастает из того, что я называю человеческой коммунальностью. Выдуманными и изобретенными являются как раз те средства защиты от коммунальности, из которых вырастает цивилизация, т.е. право, мораль, гласность, религия, гуманизм и прочие средства, в какой-то мере защищающие человека от прочих людей и от власти их объединений. (Ну, не удержусь: и когда же религия защищала от власти объединений?! А мораль?! А право?!). Человек же, как мы его понимаем, произнося это слово с большой буквы и несколько высокопарно, есть существо, искусственно выведенное в рамках цивилизации из той двуногой коммунальной твари, о которой я говорил выше. Цивилизация вообще вырастает из сопротивления коммунальности, стремления умерить ее (коммунальности) буйство, заключить ее в определенные рамки. Цивилизация в основе своей есть прежде всего самозащита человека от самого себя» [2].

Возражаю: во-первых, самозащита человека от себя – это бегство от себя, это саморазрушение и ликвидация собственной общественной человеческой природы. Если гипотетически представить, что побег удался, получим в итоге толпу одиноких индивидуалистов-эгоистов.

Во-вторых, совместность человеческой деятельности – источник не только круговой поруки и коллективной безответственности, но и *соспязательности*, с одной стороны, и взаимопомощи и поддержки, с другой стороны. Надо ли говорить, что эти моменты составляют еще и источник роста производительной силы совместного, кооперированного труда. А также источник – не побоюсь этих слов – дружбы, товарищества и даже любви.

Зиновьев полагает: «Если коммунальность можно представить себе как движение по течению потока истории, то цивилизацию можно представить как движение против течения. А еще нагляднее коммунальность можно представить как проваливание в некие дырки истории и падение вниз, а цивилизацию – как карабкание вверх. Цивилизация есть усилие, коммунальность есть движение по линии наименьшего сопротивления. Коммунизм есть буйство стихийных сил природы, цивилизация – разумное их ограничение» [2].

Кажется, как раз наоборот. Коммунизм – движение, постоянный поиск форм взаимодействия человека с человеком и человека

с природой, по Марксу – «необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего» [5, с. 127]. А форма всегда искусственна, эстетична. Она требует усилий – ведь любую форму надо *держат* именно в силу ее искусственности. Искусственное легко разрушается, поэтому и нужны усилия, чтобы держать форму и, тем более, чтобы ее пересоздавать или создавать новую. *Поэтому коммунизм никак не может быть буйством слепых стихийных сил человеческой природы.*

Что же касается цивилизационных образований, например, социальных институтов, то, действительно, сначала они открывают простор развитию человека. Хорошим примером может послужить история государства и права. Появление этих институтов означает, что в истории сформировалось новообразование, которое встало на пути ее попятного движения. Государство было необходимо обществу, человечеству не только для того, чтобы «классы в бесплодной борьбе не пожрали друг друга», но и для того, чтобы история не покатила вспять и не плюхнулась обратно в доклассовое состояние. Однако со временем любое цивилизационное образование застывает, окостеневае, превращается в накатанные рельсы (по выражению М.К. Мамардашвили), по которым человек может передвигаться без всяких усилий, ничего не преодолевая, просто скользя. Более того, цивилизационные формы, став привычными, заостеневае до такой степени, что могут уже из рельсов превратиться в костыли, и тогда от человека на костылях уже никакого самостоятельного действия ожидать не придется.

Складывается впечатление, что Александр Зиновьев полемизирует и воюет реально не с коммунизмом, философских смыслов которого он не замечает, а со стихийной стадностью и коммунитаризмом. И правильно воюет. Когда-то Бердяев, который не мог терпеть Ленина, написал: главная заслуга Ленина в том, что он *сковал* инициативу масс. Победил, стало быть, стихийную стадность и коммунистом быть от этого не перестал.

Зиновьев предлагает сопротивление коммунизму и охрану цивилизации, и прав он только в том, что в этой борьбе, как и во всякой другой, покоя нет и не будет: «пока человечество живо, оно обречено иметь дело с проблемами» [2].

С этим трудно не согласиться. Но тогда мы как раз и получим коммунизм как постоянный поиск форм взаимодействия человека с природой (натурализм) и человека с человеком (гуманизм), и все это вместе как энергический принцип движения. В.В. Маяковский

однажды определил коммунизм, точнее, социализм (Зиновьев, как известно, их не разделял) как «свободный труд свободно собравшихся людей». Тогда совершенно очевидно, что обратной стороной проблемы коммунизма является проблема человека. И об этом – очень многое в творчестве А.А. Зиновьева. Например: «В марксизме считается, что человек есть “совокупность общественных отношений”, что стоит создать желаемые условия жизни, как люди станут воплощением добродетелей. (Пожалуй, несколько передернутый марксизм!) А между тем люди сами суть продукт истории, (так это о том же самом!) и как таковые они обладают такими свойствами, *которые не зависят ни от каких социальных преобразований* (как связать эту часть фразы с предыдущей?) и от которых, наоборот, зависят возможности самих этих преобразований» [2].

Если характеристики человека никак не зависят от каких-либо социальных преобразований, то о чем беспокоиться? Тогда тот человек, который что-то в этой жизни сможет преобразовать, должен появиться сам собой ... из ниоткуда, как некое чудо. Правда, с чудесами у нас в последнее время как-то напряженно. Ницше, к примеру, видит процесс появления человека определенного типа совершенно иначе: его «ваяют» [4, с. 140]. А кто же скульптор? По Ницше – «дионисийский ваятель миров», но его сопровождает «призывный глас элевсинских мистерий». Да, это, конечно, другие люди, общество. Иное дело, что человек может стать больше и выше любых внешних условий, что и доказал Александр Александрович Зиновьев всей своей жизнью. И в этом смысле такой человек всегда чудо. По выражению Хайдеггера, человек в бытии делает одно очень важное дело: он ничтожит ничто. А не просто плывет по реке обстоятельств.

Если у человека это будет получаться, зияющие высоты смогут стать тем, чем и должны стать – высотами сияющими.

Литература

1. *Согомонов А.Ю.* Парадоксы вывихнутого времени, или Как возникло социальное / А.Ю. Согомонов, П.Ю. Уваров // Конструирование социального. Европа. V–XVI вв. / сост.: П.Ю. Уваров, И.В. Дубровский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 135–159.
2. *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность / А.А. Зиновьев. – URL: <https://booksprime.ru/books/kommunizm-kak-realnost/> (дата обращения: 21.08.2022).

3. Методологию анализа «редакций» как различных сторон одного и того же социального феномена см.: *Лифшиц М.* Народность искусства и борьба классов / М. Лифшиц // *Собрание сочинений: в 3 т.* – М.: Изобразительное искусство, 1986. – Т. 2. – С. 245–292.

4. *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше // *Стихотворения. Философская проза / пер. с нем.* – СПб.: Художественная литература, 1993. – С. 130–249.

5. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. Коммунизм / К. Маркс // *Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс.* – 2-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т. 42. – С. 113–127.